

БЛАГОДАРНОСТИ:

СРЕДНИЙ КЛАСС (ИСТОРИЯ ЛЮБВИ)

ПОСКОЛЬКУ я являюсь антропологом, первым источником информации для меня всегда была я сама. Идеи, представленные в этой книге, произрастают из вызовов, с которыми я сталкивалась в своей взрослой жизни, а в еще большей степени — из ностальгии по тем ценностям, с которыми я выросла. Те многие люди, которые помогали моей работе и отдавали ей должное, не позволили этим ценностям умереть вопреки противостоящим им фактам, и теперь у меня есть удачная возможность засвидетельствовать их вклад.

Из соображений конфиденциальности я не могу назвать поименно некоторых из тех, кто участвовал в моей полевой работе, так что выражу глубокую общую благодарность тем жителям Израиля и Германии, которые проявили отзывчивость в ходе интервью и позволили мне наблюдать за их взаимоотношениями, что и сделало возможным мое исследование.

Мне невероятно повезло пройти подготовку на кафедре антропологии Чикагского университета, где каждый мой профессор служил источником вдохновения. Мои усилия по написанию диссертации и во многих других сферах направляли Джин Комарофф, Джон Келли и Мойше Постоун. Поддержка Джин на протяжении многих лет была особенно принципиальной для моей карьеры и душевного спокойствия. Мойше поздравил меня в связи с предстоящим выходом этой книги, и я бесконечно сожалею о его уходе из жизни прежде, чем я смогла бы подарить ему экземпляр. Джин Комарофф и Сьюзен Гэл помогли мне в ключевые моменты работы, а благодаря Энн Шьенн все дела шли легче. Также я благодарна тем дру-

зьям, которые помогли мне почувствовать Чикаго моим домом вдали от родины: Майклу Бехтелю, Рахель-Шломит Брезис, Майклу Сипеку, Джейсону Доуси, Эбигейл Дин, Дженнифер Доулер, Аманде Энглерт, Якубу Хилалу, Лорен Килер, Тэлу Лайрону, Саре Луна, Элен Олифант, Алексису Сейласу, Ноа Вайсман, Эйтан Уилф, Родни Уилсону и Тэлу Йифату.

В Гёте-институте во Франкфурте моим замечательным руководителем был Ханс Петер Хан. Я благодарна ему и моим тамошним друзьям Дженнифер Бэгли, Виталию Барташу, Федерико Буччеллати, Гордане Сирич, Тобиасу Хелмсу, Кристин Кастнер, Гарри Мэдхэйтилу, Марио Шмидту и Вальбурге Цумбройх. В Коллегиуме инновационных исследований Университета Хельсинки я очень многому научилась у Туро-Киммо Лехтонена и Джоэла Роббинса. За то, что эти зимы стали яркими, я благодарна как им, так и Сорину Гогу, Саре Грин, Симо Муиру, Наде Нава, Сааре Палландер, Минне Рукенстейн, Филипу Сикорски, Хосе Филипе Сильве и Андрашу Сигети. Эва Фодор оказалась безупречным директором будапештского Института передовых исследований Центрально-Европейского университета. Я благодарна ей, а также Дуэйну Корпису, Томасу Пастеру, Крейгу Робертсу, Джеймсу Рутерфорду, Каю Шафту и Джулианне Верлин за то, что они были первыми, кто проявил энтузиазм по поводу идей, попавших в эту книгу. Крис Ханн и Дон Кальб из Института социальной антропологии Макса Планка в Галле усадили меня за ее написание и придавали стимулы на протяжении всей моей работы. Я благодарна им и тем коллегам, с которыми мне посчастливилось приступить к исполнению своих обязанностей: Саскии Абрамс-Кавуненко, Тристаму Барретту, Шарлотте Брукерман, Наталии Буйер, Димитре Кофти, Мареку Микушу, Сильвии Терпе и Сэмюэлу Уильямсу.

Мое временное пребывание в Лейпциге было несложным благодаря Моран Ахарони, Норе Готтлиб, Агате Мора и Йону Шуберту. За то, что жизнь в Берлине была скорее игрой, а не работой, спасибо Ги Гиладу, Андреасу Марковски, Катаржине Пузон, Андре Тиманну, Алине Вайсфилд, Роберте Дзаворетти и Габриеле Ципф. Кочевая академическая жизнь позволила мне приобрести таких драгоценных друзей, как Иван Ашер, Пол Дэниел, Ротем Гева, Эхуд Гальперин, Матан Каминер, Патрик Невелинг, Димитрис Сотиропулос и Кристиан Штегеле. Еще когда я жила в Израиле, мои самые давние подруги Нира Бен-Ализ, Ципи Берман, Цахала Самет и Ница Заффрир напоминали мне о тех вещах, которые действительно важны. Благодарю их всех от глубины души.

Черновики этой книги частично или полностью прочли и представили мне свои великолепные советы Иван Ашер, Джош Берсон, Шарлотта Брукерман, Матеуш Халава, Йоав Гальперин, Якуб Хилал, Марек Микуш, Эккехарт Штамер и Мордехай Вайс. В издательстве Verso ту же самую работу проделали Себастиан Баджен и Ричард Сеймур. Я благодарна им, а в особенности Аманде Энглерт, которая всегда была моим самым блестящим и доскональным читателем.

Хотелось бы отдать должное и тем журналам, где были опубликованы мои предыдущие работы, выдержки из которых представлены в этой книге:

Homeownership in Israel: The Social Costs of Middle-Class Debt // *Cultural Anthropology*. 2014. Vol. 29 (1). P. 128–149;
Capitalist Normativity: Value and Values // *Anthropological Theory*. 2015. Vol. 15 (2). P. 239–253;

Contesting the Value of Household Property // *Dialectical Anthropology*. 2016. Vol. 40 (3). P. 287–303;

Longevity Risk: A Report on the Banality of Finance Capitalism // *Critical Historical Studies*. 2018. Vol. 5 (1). P. 103–109;

Lifecycle Planning and Responsibility: Propection and Retrospection in Germany // Ethnos. 2019. Vol. 84 (5). P. 789–805.

Мой брат Таль Вайс и моя сестра Лилах Вайс всегда были рядом, подбадривая меня. Мои племянники и племянницы Шахар, Авив, Юваль, Томер, Михаэль, Яара и Аvigель прибавляли умильности и радости. Ни эта книга, ни вообще все, чего я достигла, не были бы возможны, если бы не беззаветная любовь и непреклонная поддержка моих родителей Рахели и Мордехая Вайс. Не могу выразить словами глубину любви и благодарности моей прекрасной семье.

ВВЕДЕНИЕ: МЫ НИКОГДА НЕ БЫЛИ СРЕДНИМ КЛАССОМ

СРЕДНЕГО класса не существует. То, о чем идет речь на протяжении всего того времени, что мы тратим на рассуждения о среднем классе, по большей части является внутренне противоречивым. Нас беспокоит сокращение или сжатие среднего класса — тот факт, что сегодня к нему могут относить себя меньше людей, чем всего-то десятилетие назад, — а также то, что при сохранении подобного развития событий те, кто сейчас находится на краю среднего класса, выпадут за его пределы. Но при этом нас ободряют хедлайны СМИ, где говорится, что достаточно лишь подумать глобально, как мы обнаружим, что в действительности средний класс находится на подъеме, что его ряды пополняются предприимчивыми искателями счастья в таких странах, как Китай, Индия, Бразилия и ЮАР. Это одна из давно известных языковых уловок: мы одновременно и ставим под сомнение количество людей, принадлежащих к среднему классу, и подтверждаем представление о наличии некоего среднего класса, в ряды которого можно, наконец, попасть или, наоборот, выпасть.

Но ничего подобного не существует. Одним из аргументов в пользу этого утверждения оказывается рассмотрение выполненных на протяжении многих лет исследований, посвященных выявлению представителей среднего класса. Полистайте эти исследования и аналитические доклады, опубликованные политическими и консалтинговыми компаниями, аналитическими центрами, институтами развития, маркетинговыми агентствами, государственными структурами и центральными банками, и вы найдете столько же критериев выявления среднего класса,

сколько и полученных результатов. В особенно затруднительном положении оказались статистики, которым необходимо найти универсальные критерии количественного измерения. В богатых странах люди обладают жизненными, трудовыми и потребительскими стандартами, о которых подавляющее большинство населения мира — включая тех, кого с наибольшей вероятностью можно отнести к тем самым доблестным новым представителям глобального среднего класса, — может только мечтать. Какая возможная классификация способна охватить их всех?

Существует много вариантов группообразования. Один из них — по роду занятий, когда представителями среднего класса считаются всевозможные квалифицированные обладатели высшего образования, менеджеры и специалисты, а также практически все остальные, кто не занят ручным трудом. Этот подход соблазнительно прост для понимания ровно до того момента, пока мы не задумаемся о множестве профессионалов из «белых воротничков», которые не обладают полной занятостью и пребывают в бедственном положении, или, наоборот, о высокооплачиваемых недипломированных специалистах, которые столь же очевидным образом выпадают из данной классификации. Еще один популярный критерий выделения среднего класса — его относительная неподверженность бедности: в таком случае средним классом считаются те, кто обладает значительными ресурсами, чтобы защитить себя от неминуемых голода и нужды. Но и здесь все мы слышали ужасающие истории о высокостатусных представителях среднего класса, внезапно рухнувших «из князей в грязь» в результате различных кризисов — личных, в отдельно взятой стране и на глобальном рынке. Некоторые исследователи обращаются к такому критерию, как уровень располагаемого дохода, относя к среднему классу любого имеющего заработок, чей доход на некоторую устойчивую величину превосходит тот, что ухо-

дит на ежедневное содержание их домохозяйства, а следовательно, они имеют возможность приобретать товары, не относящиеся к предметам первой необходимости. Подобный подход обманчиво допускает наличие стабильных доходов, из которых можно высчитывать расходы и выделять некие фиксированные доли, хотя в действительности в нашем мире денежные средства поступают в домохозяйства и утекают из них крайне нерегулярным образом. Другие исследователи определяют средние классы по абсолютным уровням дохода. Они сталкиваются с аналогичными проблемами, и даже в том случае, когда доходы корректируются на страновые индексы цен, появляются некоторые вопросы. Одно дело — сравнительная ценность денег, и совсем другое — что именно люди могут с ними сделать, учитывая материальную и социальную инфраструктуру там, где они живут, а также политическую обстановку, с которой им приходится иметь дело. Люди, обладающие сопоставимыми уровнями дохода в разных странах, отличаются друг от друга так сильно, что сложно представить, что они принадлежат к одной и той же группе. Впрочем, есть и те, кто приравнивает средний класс к получателям среднего дохода: в таком случае представителями среднего класса оказываются те, кто находится на медианной ступени шкалы распределения доходов в соответствующей стране. Тем самым сравнения между разными странами оказываются невозможными, а кроме того, в каждой отдельно взятой стране различие между теми, кто получает средний доход и немного ниже среднего, настолько незначительное, что убедительно отличать их представителей друг от друга практически невозможно. Наиболее же любопытным критерием является тот, который твердолобые количественные исследователи называют субъективным — он подразумевает, что надо просто опросить людей, предложив им отнести себя к какой-либо категории. Но такой подход оказывается лишь ловушкой для ис-

следователей, поскольку в качестве среднего класса себя идентифицируют в целом гораздо больше людей, нежели то количество его представителей, которое можно выявить на основании любого другого критерия. Так обстоит дело практически повсеместно, причем указанная особенность относится к тем, кто в ином случае считался бы находящимся как выше, так и ниже специально выделенного среднего уровня¹.

И если исследователи проявляют неуверенность относительно определения среднего класса, то представителям государства и бизнеса подобные колебания несвойственны. МедиAPERсоны демонстрируют широкий консенсус по поводу того, что средний класс — это некая действитель-

---

¹ *Banerjee A.V., Duflo E.* What Is the Middle Class About? The Middle Classes Around the World // MIT Discussion Papers, December 2007; *Burger R., Kamp S., Lee C., Berg S. van der, Zoch A.* The Emergent Middle Class in Contemporary South Africa: Examining and Comparing Rival Approaches // Development South Africa. 2015. Vol. 32 (1). P. 24–40; *Kalb D.* Class // Nonini D.M. (ed.). A Companion to Urban Anthropology. N.Y.: Blackwell, 2014; *Kerstenetzky C.L., Uchôa C., Valle Silva N. do.* The Elusive New Middle Class in Brazil // Brazilian Political Science Review. 2015. Vol. 9 (3). P. 21–41; *Koo H.* The Global Middle Class: How Is It Made, What Does It Represent? // Globalizations. 2016. Vol. 13 (3). P. 440–453; *Melber H.* (ed.). The Rise of Africa's Middle Class: Myths, Realities, and Critical Engagements. L.: Zed Books, 2016; *Nundee M.* When Did We All Become Middle Class? L.: Routledge, 2016; *Dore G.M.D.* Measuring the Elusive Middle Class and Estimating Its Role in Economic Development and Democracy // World Economics Journal. 2017. Vol. 18 (2). P. 107–122; *Therborn G.* Class in the Twenty-First Century // New Left Review. 2012. Vol. 78 (November–December). P. 5–29. Во всех этих работах представлены критические обзоры многих из данных подходов — в более либеральном и более оптимистичном ключе они использованы в таких работах, как: *Drabble S., Hoorens S., Khodyakov D., Ratzmann N., Yaqub O.* The Rise of the Global Middle Class: Global Social Trends to 2030 // Rand Corporation. Thematic Report 6. 2015; IMF: Global Financial Stability Report: Market Developments and Issues // International Monetary Fund. September 2006.

но хорошая штука, однозначно порицая его сжатие и приветствуя его рост. Так называемый средний класс также дорог политикам слева и справа, консервативным и либеральным — все они претендуют на то, чтобы выражать интересы среднего класса в продвигаемых ими решениях. Аналитические центры и консалтинговые компании помогают политическим акторам апеллировать к среднему классу — к идентифицирующим себя в качестве его членов или стремящимся ими стать. И пока они выдвигают стратегии расширения среднего класса, маркетологи направляют действия топ-менеджеров корпораций по обслуживанию фантазий среднего класса. Объединяя усилия с профессиональными исследованиями и журналистами, эти акторы ассоциируют средний класс с неким набором желательных социальных и экономических параметров. В частности, они выделяют такие основополагающие признаки среднего класса, как стабильность, консюмеризм, предприимчивость и демократия, а затем представляют эти характеристики взаимосвязанными: одна естественным образом ведет к другой, порождая экономический рост, модернизацию и коллективное благосостояние².

---

² Например, в следующих работах: *Amoranto G., Chun N., Deolaliker A.* Who Are the Middle Class and What Values Do They Hold? Evidence from the World Values Survey // Asian Development Bank Working Paper Series. 2010. No. 229; *Jaffrelot C., Veer P. van der* (eds). Patterns of Middle Class Consumption in India and China. L.: Sage, 2012; *Doepke M., Zilibotti F.* Social Class and the Spirit of Capitalism // Journal of the European Economic Association. 2005. Vol. 3 (2–3). P. 516–524; *Drabble S., Hoorens S., Khodyakov D., Ratzmann N., Yaqub O.* The Rise of the Global Middle Class: Global Social Trends to 2030 // Rand Corporation. Thematic Report 6. 2015; *Eldaeva N., Khakhlova O., Lebedinskaya O., Sibirskaya E.* Statistical Evaluation of Middle Class in Russia // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6 (3). P. 125–134; *Johnson S.D., Kandogan Y.* The Role of Economic and Political Freedom in the Emergence of Global Middle Class // International Business Re-

Между тем социальные исследователи, взявшие на себя труд изучения жизни людей, которые, предположительно, входят в ряды нового глобального среднего класса, выражают серьезное сомнение относительно каждого из перечисленных признаков. В их описаниях людей объединяет не процветание, а мучительная нестабильность, отягощенное долгами имущество и вынужденная переработка. Эти исследователи сообщают о склонности подобных людей копить имеющиеся у них избыточные деньги или вкладывать их в такие вещи, как жилье или страховые полисы, а не тратить свои располагаемые доходы на потребительские товары. Они предпочтут постоянный заработок, как только им представится такая возможность, а погоня за рискованными предпринимательскими доходами чаще оказывается вызвана нуждой приспособляться к отсутствию стабильной занятости. Кроме того, они демонстрируют политический прагматизм, поддерживая любые партии и любые политические меры, которые способны защитить их интересы, а не встают безоговорочно на защиту демократии — это легко обнаружить в недавней истории Латинской Америки и в современном Китае³.

---

view. 2016. Vol. 25 (3). P. 711–725; *Lufumpa C.L., Ncube M.* The Emerging Middle Class in Africa. N.Y.: Routledge, 2016, а также в любых популярных изданиях, какие только вам доведется взять в руки. В одной из неудавшихся попыток определения среднего класса делается вывод, что он крайне важен для демократии, экономики и общества, несмотря на невозможность его определения: *Billitteri T.* Middle Class Squeeze // CQ Press. 2009. P. 9–19.

³ Некоторые из этих проблем были выявлены среди «западных средних классов» в работе: *Chauvel L., Hartung A.* Malaise in the Western Middle Classes // World Social Science Report. 2016. P. 164–169, а также среди средних классов в ряде незападных стран: *Banerjee A.V., Duflo E.* What Is the Middle Class About?...; *Burger R., Louw M., Oliveira Pegado B.B.I. de, Berg S. van der.* Understanding Consumption Patterns of the Established and Emerging South African Black Middle Class // Development South Africa. 2015. Vol. 32 (1). P. 41–56; *Chen J.*

Все это означает, что «средний класс» представляет собой исключительно расплывчатую категорию, которая не имеет четких границ и не является убедительно позитивной. Однако ее неопределенность никоим образом не выступает препятствием для ее всеобъемлющей мобилизации. Понятие «средний класс» обладает громадной популярностью в транснациональном масштабе,

---

A Middle Class without Democracy: Economic Growth and the Prospects of Democratization in China. Oxford: Oxford University Press, 2013; *Cohen S.* Searching for a Different Future. Durham: Duke University Press, 2004; *Duarte A.* The Short Life of the New Middle Class in Portugal // International Research Journal of Arts and Social Science. 2016. Vol. 3 (2). P. 47–57; *Embong A.R.* State Led Mobilization and the New Middle Class in Malaysia. L.: Palgrave Macmillan, 2002; *Fernandes L.* India's New Middle Class. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2006; *James D.* "Deeper into a Hole?" Borrowing and Lending in South Africa // Current Anthropology. Vol. 55 (S9). P. 17–29; *James D.* Money for Nothing: Indebtedness and Aspiration in South Africa. Stanford: Stanford University Press, 2015; *Koo H.* The Global Middle Class: How Is It Made, What Does It Represent?..; *MacLennan M., Margalhaes B.J.* (eds). Poverty in Focus // Bureau for Development Policy (UNDP). 2014. Vol. 26; *Melber H.* (ed.). The Rise of Africa's Middle Class...; *Osburg J.* Anxious Wealth: Money and Morality Among China's New Rich. Stanford: Stanford University Press, 2013; *Owensby B.P.* Intimate Ironies: Modernity and the Making of Middle-Class Lives in Brazil. Stanford: Stanford University Press, 1999; *Rocca J.L.* The Making of the Chinese Middle Class: Small Comfort and Great Expectations // The Sciences Po Series in International Relations and Political Economy 2017. *Shakow M.* Along the Bolivian Highway: Social Mobility and Political Culture in a New Middle Class. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2014; *Sumich J.* The Uncertainty of Prosperity: Dependence and the Politics of Middle-Class Privilege in Maputo // Ethnos. 2015. Vol. 80 (1). P. 1–21; *Sumner A., Wietzke F.B.* What Are the Political and Social Implications of the "New Middle Classes" in Developing Countries? // International Development Institute Working Paper. 2014. No. 3; *Wessel M. van.* Talking about Consumption: How an Indian Middle Class Dissociates from Middle-Class Life // Cultural Dynamics. 2004. Vol. 16 (1). P. 93–116; *Freeman C., Heiman R., Liechty M.* (eds). Charting an Anthropology of the Middle Classes. Santa Fe: SAR Press, 2012.

которая выражается не только в высказываниях политических и экономических лидеров об интересах, достоинствах и притязаниях среднего класса, но и в готовности людей всех жизненных укладов по всему миру определять себя как представителей среднего класса. Поэтому, когда антрополог сталкивается с имеющей столь высокую оценку, но при этом столь плохо очерченной категорией, видя, что эта категория тем не менее столь энергично используется политиками, институтами развития, корпоративными акторами и специалистами по маркетингу, он, вероятно, подумает только об одном — об идеологии.

Я обнаруживала эту идеологию повсеместно, изучая ряд проблем, которые в расхожем смысле ассоциируются со средним классом, в Израиле и Германии, при этом периодически косвенно обращаясь к соответствующим примерам в глобальном масштабе. В результате у меня стало возникать все больше вопросов к тому, как именно определялся статус людей, за которыми я наблюдала. Если в действительности средний класс является идеологией, то что это значит? Какой цели она служит? Как она состоялась и что делает ее столь убедительной? Данная книга представляет собой мой вариант ответа на эти вопросы и исследование их последствий.

Представленные в этой книге аргументы довольно специфически адресованы сопричастной аудитории. Этот момент требует пояснения. В наше время местоимение «мы» является подозрительным и почти всегда пробуждает непокорное «не-я». Всевозможные политики, начальники, проповедники и активисты склоняют «мы» на все лады, чтобы объединить разношерстную публику вокруг тех задач, которые они объявляют общими. Более спонтанно «мы» звучит в противопоставлении «не-мы», будь то влиятельный 1% общества по отношению к тем 99%, к которым принадлежим мы с вами, или некая контрпублика, воспринимаемая в качестве угрозы тому, что мы есть и

что мы имеем. В данном случае я имею в виду инклюзивность иного рода, которая не является привнесенной и не провозглашается коллективным образом ради стратегических целей или в отношении воображаемого противодействия. Это, скорее, спокойное, самоуверенное «мы», которое подчеркивает наше тщеславие.

Социолог Бруно Латур написал свою работу «Мы никогда не были современными»⁴ в противовес одной такой самонадеянности — имеющемуся у нас представлению о себе как о современных, или непримитивных, в процессе навязывания объективности, основанной на отделении человеческого от нечеловеческого, социального мира от мира природного. Латур утверждал, что подобное разделение в действительности никогда не существовало, и рассматривал гибридные феномены наподобие глобального потепления, баз данных и биотехнологий как бросающие вызов вере в то, что оно вообще имеет место. Хотя данное допущение обладает большой значимостью, утверждал Латур, оно представляет собой западную научно-индустриальную конструкцию. Далее Латур приступил к релятивизации последней путем подробной проработки ее предыстории и грядущего, в котором ее отсутствие является очевидным.

Благодаря новаторской работе Латура, я никогда не сомневалась в том, удастся ли мне привести аналогичные аргументы против самонадеянности среднего класса. Я уверена, что средний класс — это ложная категория в том смысле, что она подразумевает силы, которыми мы не обладаем. Кроме того, я уверена, что она является идеологической в том плане, что привлекает эти силы для достижения целей, которые не являются нашими собствен-

---

⁴ Русский перевод: *Латур Б.* «Нового времени не было». Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. — *Примеч. пер.*

ными, а последствия этого не идут нам на благо. Но мне действительно нелегко далось то, чтобы адресовать данный тезис сопричастной аудитории. Если и существует нечто, к чему антрополог испытывает аллергию, то это универсализация — слишком легкое допущение того, что способ, каким я воображаю себя прямо сейчас, является тем способом, каким воображаем себя мы все, всегда бывшим даром природы, установлением божества или проявлением некоего врожденного инстинкта. Антропологи традиционно изучали не «нас», а «их», то есть людей, поступающих иначе, чья инаковость противостоит само собой разумеющимся обобщениям. Поэтому книга, написанная для нас и о нас, оказывается парадоксальной для антрополога.

Однако я намеренно сделала этот выбор, поскольку есть одна вещь, которая не относится однозначно к области антропологии, — а именно критика. Увлеченность антропологии любыми далекими и чужими предметами, как правило, не притворяется нейтральным, научным или объективным взглядом в духе журнала *National Geographic*. Напротив, антропология часто выступала средством, с помощью которого осуществлялись определенные значимые вмешательства в те различия и характеристики, которые люди считают универсальными, во все эти близкие и знакомые тривиальные допущения — о природе и соответствии действительности расовых и этнических различий, об источниках и последствиях гендерных ролей и сексуальных предпочтений, о границах и особенностях детства, юношества, зрелости и старости, о социальных предназначениях представлений, ритуалов, эмоций и научной рациональности, о моделях и функциях еды, работы, досуга и сна, об определениях и значимости здоровья и патологии, об отношениях, которые формируют семьи, племена и национальные государства. Этот список можно продолжить.

Моя логика выглядит примерно следующим образом. Если где-то в мире есть люди, ведущие себя, к примеру, не эгоистично и своекорыстно, то своекорыстное поведение людей в странах передовой капиталистической экономики — а именно оттуда происходит большинство антропологов, и именно там они доводят до аудитории результаты своей работы — должно проистекать из чего-то иного, нежели врожденная человеческая установка. Либо, если люди где-то преуспели, скажем, в удовлетворении своих потребностей и желаний с помощью более эгалитарных и коллективно управляемых организаций по производству и распределению товаров и услуг, то в таком случае имеются представимые альтернативы нашим собственным экономическим и политическим системам.

Однако вызов критики стал еще более сложным вместе со сжатием традиционного поля антропологии. Краины мира больше не настолько удалены, а общества, некогда бывшие чужими и экзотичными, давно втянуты в глобальные сети рынков и медиа. Критически настроенные антропологи оказываются в безвыходном положении. С одной стороны, у них имеется мотивация к тому, чтобы опровергать опрометчивые допущения, разоблачать благодушные обобщения и тревожить устоявшиеся структуры господства. С другой стороны, они точно так же, как и люди, которых они изучают, вовлечены в усложненную и всеобъемлющую социально-экономическую сеть, которая совершенно универсальна в смысле навязываемого ею конкурентного давления, порождаемой ею заботы о личных интересах и тех негативных санкциях и стимулах, которые она внедряет в работу, потребление и отношения каждого человека. В результате антропологи оказываются в очень непрестом положении для поиска точки отсчета для критики тех сил, которые воздействуют на них в той же степени, что и на объекты их исследований.

Антропологи, более чем успешно выполнявшие свою работу, фокусировались главным образом на обитателях мировых периферий, которые, будучи подчинены давлению глобального капитализма, все же вели жизнь, отчасти далекую от него. Однако сегодня даже эти группы полностью включены во всемирное производство и обращение денег и товаров, регулируемое посредством институтов, которые были созданы или усовершенствованы для того, чтобы выступать проводниками для этих потоков. В число этих институтов входят национальные государства, нуклеарная семья, свободный рынок, кредит и долг, частная собственность, человеческий капитал, инвестиции и страхование. Каждый из таких институтов обладает собственным рациональным обоснованием, и эти обоснования (поскольку они непреодолимо переплетены со всеми прочими в созданном нами мире) представляются настолько существенными, что их сложно рассматривать как нечто сформированное и настроенное людьми в определенные моменты времени, чтобы справляться с условиями, в которых они оказались, или манипулировать ими. Подобные институты появляются везде, где укореняется капитализм. Они формируют понимание людьми себя как наемных работников, должников, граждан, членов семей, владельцев собственности или представителей того или иного социального класса. Поэтому универсализирующий посыл, предполагаемый «мы», не является ни прихотью, ни высокомерием — это побочный продукт вездесущести самого капитализма.

Универсализация капитализма наиболее очевидна именно в случае с категорией среднего класса, поскольку она является масштабной и всеобъемлющей: она создает образ любого человека как принимающего самостоятельные решения инвестора, вкладывающего деньги, время и усилия, — причем даже если сейчас он не является таковым, то предполагается, что имеет к этому потенци-

ал и стремление. Категория среднего класса предполагает представление об обществе как состоящем из множества взаимодействующих индивидов, готовых прилагать больше усилий, нежели те, за которые они получают непосредственное вознаграждение, справляться с более значительной долговой нагрузкой, чем им в действительности требуется, и ужиматься в расходах везде, где это только возможно, чтобы формировать резервы для своего будущего и будущего своих семей. Тем самым успехи любого человека (за исключением тех, кто лишен способностей делать подобные инвестиции в силу различных социальных и географических барьеров, преодолением которых эти люди, предположительно, заняты) считаются результатом личных вложений.

Образ расширяющегося и все более глобального среднего класса, к которому может присоединиться каждый, действительно порывает с такими разъединяющими категориями, как рабочие и капиталисты, кроме тех случаев, когда предполагается, что каждый, по большому счету, является квазикапиталистическим удачливым дельцом. Этот образ также ослабляет крайности потенциально разъединяющих категорий, таких как гендер, этническая принадлежность, раса, национальность и религия, за счет того, что альянсы среднего класса и конкуренция внутри него предназначены, чтобы пройти сквозь границы, налагаемые подобными разделениями, и преодолеть их, предлагая людям заново определить свое место в обществе в соответствии с их частными интересами⁵. Об-

---

⁵ Хотя антропологи продемонстрировали, что в том случае, когда категория среднего класса переплетается с этническими, религиозными и гендерными атрибутами, она способна делать эти границы более резко очерченными. См., например: *Zang X. Socioeconomic Attainment, Cultural Tastes, and Ethnic Identity: Class Subjectivities among Uyghurs in Ürümchi // Ethnic and Racial Studies. 2016; Burger R. et al. The Emergent Middle Class in Contemporary South*

раз среднего класса проникнут разнообразием, поскольку многочисленные различия получают одобрение, а идентичности создаются и успешно развиваются за счет набора предметов потребления, доступных все большему числу людей. В то же время этот образ обостряет неравенство, стимулируя конкурентное потребление, образ жизни и инвестиции, сигнализирующие о преимуществах одних над другими и предотвращающие невыгодное положение в сравнении с другими.

Принадлежность к среднему классу подразумевает, что мы берем ответственность за свою судьбу, прилагая все возможные усилия в работе и одновременно воздерживаясь от ряда незамедлительных удовольствий, потому что мы сокращаем свои расходы (и жертвуем определенным душевным спокойствием, влезая в долги ради приобретения долгосрочных активов), чтобы в будущем получить вознаграждение за эти лишения. Следовательно, это предполагает, что наши неудачи являются результатом того, что мы беднеем или неэффективно используем время, энергию и ресурсы, имеющиеся в нашем распоряжении. Еще одно следствие заключается в том, что общество есть не более чем набор индивидов, включенных в эгоистичные инвестиции друг друга порой в качестве союзников, порой конкурентов. Институты же этого обще-

---

Africa...; *Donner H.* Domestic Goddesses: Modernity, Globalisation, and Contemporary Middle-Class Identity in Urban India. L.: Routledge, 2008; *Freeman C.* The "Reputation" of "Neoliberalism" // *American Ethnologist*. 2007. Vol. 34 (2). P. 252–267; *Maqsood A.* The New Pakistani Middle Class. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2017; *Jones C.* Women in the Middle: Femininity, Virtue, and Excess in Indonesian Discourses of Middle-Classness // *Heiman R., Freeman C., Liechty M.* (eds). The Middle Classes: Theorizing through Ethnography. Santa Fe: School for Advanced Research Press, 2012; *Ricke A.* Producing the Middle Class: Domestic Tourism, Ethnic Roots, and Class Routes in Brazil // *The Journal of Latin American and Caribbean Anthropology*. 2017. Vol. 23 (3).

ства являются воплощением относительных или комбинированных сил и предпочтений работоспособных инвесторов.

Если мы отождествляем себя с этими идеями или (что более распространено) если мы бездумно транслируем их в своем поведении и ощущениях, так происходит потому, что они встроены в сами ритмы нашей жизни, в используемый нами инструментарий и в институты, с помощью которых организована наша деятельность. Кроме того, так происходит потому, что иногда эти идеи действительно подтверждаются временными и относительными вознаграждениями, когда более крупные инвесторы получают преимущества перед более мелкими, как, например, это происходит в случае с землевладельцами и арендаторами. Но если у нас есть дурные предчувствия, то они, вероятно, пробуждаются в тот момент, когда используемые нами инструменты и институты, внутри которых мы действуем, больше не функционируют столь безотказно, а вознаграждение, предполагаемое самоопределением, основанным на инвестировании, так и не приходит. Знаменитое высказывание философа Георга Гегеля гласит, что сова Минервы расправляет свои крылья только с наступлением сумерек — под этим он имел в виду, что мы способны понимать вещи только после того, как они стали свершившимся фактом. В нашем случае час для критики пробил с наступлением сумерек идеала среднего класса, когда целый хор голосов сетует о его упадке. Как будет показано в этой книге, наставший для этого момент полностью совпадает с нарастающим в последние десятилетия господством глобальных финансов. Доминирование финансового сектора экспортирует свойственные среднему классу идентификации в недавно либерализированные экономики и одновременно выкачивает ресурсы домохозяйств в тех странах, население которых давно считалось относящимся преимущественно к среднему классу.

Итак, надеюсь, что мое решение обратиться в этой книге к инклюзивному «мы» не будет воспринято как признак того, что я игнорирую или не уважаю реальные различия между людьми. Я знаю и принимаю во внимание, что существует множество людей, живущих в неизмеримо разных условиях, людей, не имеющих возможности распоряжаться ресурсами, людей, у которых отсутствует потенциал оказаться более удачливыми (или наоборот) в результате их инвестиций, людей, не имеющих ничего общего с теми исходными положениями, на которых основана эта книга. Напротив, выбранная мною форма обращения к аудитории проистекает из моей решимости принять всерьез те структурные силы, которые породили и популяризовали образ рыхлого и экспансивного среднего класса, сделав его правдоподобным. Мое намерение заключается в том, чтобы опровергнуть это утверждение в отношении тех, к кому оно применяется — например, тех, кто собирается прочесть эту книгу. Я в самом деле полагаю, что вы, как и я, являетесь результатом определенных инвестиций в образование (а то и во что-то еще) — вы тратите время и деньги, чтобы получить больше знаний, и по определению верите в долгосрочное значение этих усилий. Обращаясь напрямую к аудитории, совершающей подобные инвестиции, я надеюсь установить связь с еще одной нашей общей особенностью — склонностью к рефлексии над имеющимися у нас шаблонными представлениями.

Чем больше нас пребывает в неуверенности и бедственном положении, несмотря на те благоразумные инвестиции в будущее, которые мы уже совершили и продолжаем делать, тем в большей степени перспективы для среднего класса не представляются реалистичными, и теперь настал самый подходящий момент для сомнений, которые действительно уже появились у многих. Однако сомневающиеся действуют по-разному. Некоторые реагируют на ситуацию, пользуясь тем обстоятельством, что